

Валерий Казаков

*Мальчик
пятидесятых...*

Валерий Казаков

Мальчик пятидесятых...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64037912

ISBN 9785005327857

Аннотация

Вероятно, подошло время писать мемуары, поскольку всё чаще стали посещать воспоминания из детского периода, когда жилось беспечно и весело, как это теперь кажется. Без смартфонов, телевизоров и компьютеров. Решил писать наиболее запомнившимися эпизодами, чтобы не выдумывать ничего. Никакой политики, просто жизненные сценки и восприятие ребёнка того времени.

Содержание

Аннотация	5
1 Наш дом	6
2. КАРТИНА	10
3. САМЫЕ РАННИЕ ВОСПОМИНАНИЯ...	13
4. ОКНО В МИР	17
5. КАТОК	22
6. ЗВУКИ МУЗЫКИ	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Мальчик пятидесятих...

Валерий Казаков

© Валерий Казаков, 2021

ISBN 978-5-0053-2785-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

Вероятно, подошло время писать мемуары, поскольку всё чаще стали посещать воспоминания из детского периода, когда жилось беспечно и весело, как это теперь кажется.

Конечно, были определённые заботы и свои, детские, проблемы, но всё это нивелировалось возрастом и родительской заботой, порой незаметной, но весьма действенной.

Решил писать наиболее запомнившимися эпизодами, чтобы не выдумывать ничего.

Думаю, что у большинства моих ровесников есть аналогичные картинки из прошлого и им будет приятно окунуться в ту атмосферу взросления, любви и незаметной родительской опеки, которая окружала большинство из нас.

Более молодым, интересующимся недалёким прошлым тоже будет полезно заглянуть в ту жизнь, которую сейчас многие вспоминают добром и с грустью, многие критикуют, но она бывла, и была такой как я и такие как я запомнили.

Никакой политики, просто жизненные сценки и восприятие ребёнка того времени.

1 Наш дом

Наш дом не был каким-то особенным и не выделялся от многих других домов того времени, срочно переоборудованных для расселения людей, прибывающих с запада страны. Родители были эвакуированы из Смоленска вместе с ремесленным училищем связи и совершенно случайно попали в этот город. Город, конечно, не был готов принять такое огромное количество людей, лавиной прибывающих вместе с эвакуируемыми с запада страны предприятиями. После мытарств, связанных с неразберихой, училище было расположено в бывшей дореволюционной богадельне, вместе с другими организациями и жильцами. Постепенно, с течением времени, другие организации отселялись и училище занимало их пространство. Семьи тоже отселялись, но некоторые остались и прожили там достаточно много времени. Наша семья прожила там 27 лет, там и я родился и жил до поступления в институт.

Само здание солидное, с толстыми кирпичными стенами, высокими потолками и неплохо оформленное архитектурно, было уже весьма запущено и капитально не ремонтировалось с предыдущего века, с момента постройки. Это на фото оно оштукатурено и покрашено, а тогда было чисто кирпичным, что его не портило, а придавало некий шарм – всё же оно проектировалось неоштукатуренным.

Здание занимало целый квартал и в плане было похоже на букву П. Позже, уже после революции внутренний двор был разгорожен пополам, новой несуразной постройкой и П превратилось в Ш. Постройка отделила в наш дворик бывший фонтан и небольшой скверик, вдоль новой постройки были расположены сарайчики и туалет ремесленного училища. Фонтан, конечно, не работал и в нём гасили известь для ремонтных работ. С восточной стороны дворик замыкали одноэтажные жилые постройки, стояли сараи. Был там и небольшой забор, отгораживающий от соседнего двора, где проживали мои друзья.

В здании училища жилыми были 5—6 квартир, причём многонаселённых. В восточных пристройках – ещё 5—6.

Одно время у родителей была и корова. Да, да, корова! На территории училища. Я уже не помню, но рассказывали. Был сарай с погребом, который я помню. Там квасили капусту в большой дубовой бочке. Помню, как перед закладкой капусты мама мыла эту бочку. Наливала воду и бросала туда огромные, раскалённые на костре булыжники. Сейчас я с ужасом вспоминаю всё это. Как мама управлялась и с большой семьёй, и с коровой, и с закладками на зиму?! Горячей воды не было: постирать, помыть посуду – вода грелась на электроплитке... Конечно, ей помогали... но львиная доля труда была её. Она всё это делала, и никто жалоб не слышал. А ещё она одновременно работала «девушками», до самой пенсии... Почему девушками – просто она была теле-

фонисткой на междугородней телефонной станции и когда абоненты звонили, то почему-то всегда говорили «девушки, примите заказ...». Почему во множественном числе? Понятия не имею...

На первом этаже дома, с улицы были расположены два магазина: «Продукты» и «Охота» – их видно на фото – две ближние к нам арки с металлическими воротами. Если смотреть справа налево, то между второй и третьей арками на втором этаже наши три окна... Там, на подоконнике я и играл, мастерил, просто сидел и смотрел на мир...

В этом здании, в помещении бывшей домово́й церкви, был обустроен актовый зал, служивший и спортивным и танцевальным и киноконцертным. Он располагался именно в средней части здания с башенкой и двумя высокими окнами на втором этаже.

Здорово, что у дома был своё двори́к, закрывающийся на большие железные ворота. Они нас оберегали от опасностей, которые подстерегали в связи с амнистией 1953г. Но об этом позже.

Во дворе была волейбольная площадка и ещё немного пространства, где ремесленники проводили построение, как в армии. Вначале даже занимались строевой подготовкой! А как же! Это же военная специальность – телефонная и телеграфная связь! По вечерам, когда в здании ещё было общежитие ребята играли в волейбол, балагурили с девушками, покуривали тайком. Но когда общежитие отселили – то

двор был в нашем распоряжении.

Вторую половину этого большого дома, за несуразной постройкой, разделяющей бывшую территорию богадельни, занимал «Дом пионеров», куда мы ходили заниматься в кружках. Но для этого надо было дважды обогнуть наш дом по улице. Можно было проще, через крышу несуразной постройки, но это не приветствовалось, поскольку в пристройке жили люди и они бывали недовольны, да и вскоре стали чердак запирают на замок.

Вообще, дом был классный! Не важно, что тесно, без горячей воды и газа, без ванной или хотя бы душа. Но в нём было столько всяких интересных и потаённых мест...

2. КАРТИНА

Немного о самом городе, вернее, о районе проживания.

В каждом городе есть свои сакральные места, с которыми связаны многие события, происшествия и легенды. В Оренбурге их было много: Шанхай, Форштадт, Аренда...

Наш район был не самым отморозенным – были и покруче, но мы жили и сосуществовали в одной цепочке. Шли «арендовские» бить «городских» или форштадтских» – шли через нас. Шли «форштадтские» с ответным визитом – опять через нас. Мы – то были пограничными...

Но я не об этом. Просто для понимания ситуации.

Поскольку районы делились чётко – «Аренда» начиналась от ул. Чичерина и распространялась к востоку от центра. На территории «Аренды» находился кинотеатр «Пионер» и мы частенько туда ходили, но компанией, на всякий случай. В принципе, было очень «круто» погулять там одному – как лазутчик в стане противника.

Часто ходили в сад шёлкокомбината, где смотрителем работала мама моих друзей детства. Тогда приходилось спускаться по ул. Мусы Джалиля, через переезд, мимо Банного озера и так далее.

Так или иначе, но места эти были достаточно исхожены и вселяли бодрость духа и капельку адреналина, может быть поэтому так и запомнились.

И вот, много лет спустя в полуподвальном магазинчике народных промыслов, на ул. 9 Января я увидел картину.

Там была изображена «Арендовская» улочка, поднимающаяся к Покровскому храму. Просто улочка. Немощёная дорога, без тротуаров, деревянные домики, повидавшие виды, подсохшие сточные канавы с лёгким неповторимым ароматом, храм на заднем плане и полынь вдоль проезжей части. Если бы не деревянные столбы с проводами – можно было бы представить любой год от рождества Христова. Яркое, жаркое солнце, абсолютно чистое небо, послеобеденная нега... И от картины явно пахло придорожной пылью, старыми досками и подсохшей пылью! Реально ощущалось прикосновение горячей пыли к босым ногам... Я стоял и ощущал себя внутри этой картины. Ощущал, как иду вверх по этой улочке, тревоги не было, была какая-то радость, покой на душе. Было понимание, что я иду домой к маме и папе, что ещё немного и я выйду на ул. Чичерина, где пахнет по-другому – свежеполитым разогретым асфальтом и прибитой пылью, потом ещё немного и я буду дома, где меня ждут..., где прохладный сквознячок слегка колышет занавески, где лучики солнца нагрели полосы на крашеном полу и по ним приятно ступать босиком...

Не знаю, сколько я простоял, меня позвал водитель – мы куда-то должны были ехать. Я молча ушёл. Дела закрутили меня в тот день, вернулся в магазин только на завтра. Картины уже не было... Опоздал.

Попытки узнать, что это за картина, кто её писал, где найти художника ни к чему не привели. Это было начало 90-х. Продавали все, всё и заботились только о доходах...

Потом была похожая картина, о том же уголке города, тоже хорошо написанная и я её купил для офиса. Но она не пахла только краской...

3. САМЫЕ РАННИЕ ВОСПОМИНАНИЯ...

Интересно, сколько ж мне было лет тогда!?

Помню, как ходил по кровати, держась за металлический стержень, на который была одета верёвочная сетка. Через узкий проход стояла кровать мамы и папы. С одного торца кровати был комод, с другого – стоял стул. Фанерная перегородка отделяла от соседней комнатушки. Сразу за комодом была белая печка во всю стену, которая отгораживала спальню от маленькой кухни... Печка была не до потолка, там было ещё немного пространства, за печкой иногда горела лампочка и освещала часть потолка, от чего в комнатке ночью было не так темно.... Ещё помню, как на верху печки горела лампадка... Насколько я помню, эта печка осталась от довоенных времён и не топилась. Её потом разрушили, чтобы увеличить жилое пространство. Я тогда уже подросток и мне доверяли вынести половинки кирпичей. Успел вынести две...

Помню бабушкины ноги, свисавшие с дивана, а я играл под столом – там было просторно и никто не мешал. Больше о бабушке ничего не помню – был слишком маленьким, когда её не стало...

Помню, на кровати родителей я строил домик из подушек и простыни, которую привязывал к спинкам. И мама со мной

там играла...

Помню тёплые и мягкие мамины объятия. Она гладила меня по головке и приговаривала «Булюль мой, Булюль...» Я не знал, что это такое, но было так уютно и спокойно...

Кстати, на 73 году жизни возникла мысль разобраться, что это такое? Просто звукосочетание, выражающее любовь и нежность или что-то иное?

Взял и просто ввёл в поисковую строку, безо всякой надежды на успех, «булюль, мой булюль»... Надо же! Оказывается, что это имя одного из козлят из Таджикской сказки «Коза – мохнатые ножки». Сказка похожа по сюжету на «Волк и семеро козлят». Не знаю, как эта сказка попала маме: то ли купила книжку, то ли слышала по радио. Я не психоаналитик, но мне показалось, что эта сказка запала ей в душу потому, что и она сама за своего «Булюля» готова была сразиться с любым грозным волком... и победить! Моя Мама...

Но были и не очень приятные воспоминания раннего детства. Помню медсестру Аделию Исаковну. Вернее, саму-то её, как человека не помню. Помню только, что женщина в белом халате с блестящей гремящей коробкой в руках подходила ко мне, обречённо лежащему на диване без штанов и доставала из этой коробки стеклянный шприц, нет шприцищеес, вставляла туда огромную иглу, размером с карандаш, набирала из пузырька какую-то гадость и прокалывала мне попку насквозь... Мама заговаривала мне зубы, но разве

тревожный медицинский запах можно не чувствовать?

Слава Богу, что я не часто болел, но уколы для меня долго оставались пыткой. Но нет худа без добра. Зато в школе я научился незаметно уклоняться от прививок да так, что этот опыт мне помог во взрослой руководящей жизни – уклоняться от чрезмерной выпивки. Неожиданно? Но так здорово и полезно!

Наверное, это самые ранние воспоминания. Думаю, что было мне примерно годика три.

Потом, когда был чуть постарше, помню, как тёплым летним вечером всей семьёй, а иногда и с соседями или с друзьями, ходили на «водопой» – так у нас назывались прогулки в сквер имени Полины Осипенко, а попросту – «лягушки». Там был красивый фонтан, такой же как в Сталинграде. Вы его наверняка видели на фотографиях разрушенного, но не сдвинутого Сталинграда. Так вот, их было всего два в СССР: в Сталинграде и в Оренбурге! А звался сквер «лягушки», поскольку вода на пионерский хоровод расплылась из ртов лягушек. Странная композиция, но такая родная!. В сквере было прохладно от фонтана и изумительно пахли цветы, которых было великое множество!

А ещё в этом сквере был длинный деревянный павильон, где продавали газировку, соки и кумыс. Газировку наливали вручную женщины в белых халатах – хочешь без сиропа – 1 копейка, хочешь с сиропом – 3 копейки, и 5 копеек с двойным. Сиропов тоже было несколько сортов – выбирай, не хо-

чу. Выпивали залпом по два-три стакана с сиропом, потом лакомились с двойным сиропом. А иногда мы с папой пили прохладный и шипящий кумыс...

Шли домой, по едва освещённым таинственным улицам, немного отдохнув от жаркого дня, а газы так приятно и ще-котно выскакивали через нос, напоминая о выпитом удо-вольствии...

4. ОКНО В МИР

О, это было замечательное окно в старом доме бывшей богадельни заштатного городка на престижном втором этаже. Сводчатый высокий оконный проём, широченный подоконник, двойные рамы зимой. Подоконник и рамы были крашены неоднократно уже при социализме, когда старую краску не снимали, а мазали новой просто сверху, отчего поверхность рам и подоконника напоминали сельскую улицу с проталинами. Но это было не плохо, мне разрешали на нём играть с железками, что я и делал, не боясь испортить поверхность, до меня многократно порченную неизвестно кем.

Играл я на нём не только с железными машинками, но и с пластилиновой армией, которую сам и лепил. (учтите, это было вскоре после ужасной, тяжёлой, но победоносной войны.) Не важно, что не было художественной достоверности, присущей социалистическому реализму, но меня всё устраивало. Наши были из красного пластилина, фашисты из чёрного. Танки были зелёными, самолёты – синими. А что ещё нужно? Примитивная лепка сполна перекрывалась фантазией. Театром военных действий был подоконник, горшок с цветами, ну и деревянный переплёт зимней рамы....

Но это в раннем детстве. А чуть постарше, когда оставался дома – любил лёжа поперёк широчайшего подоконника наблюдать за тем, что происходило под окном. Ну, а там...

Напротив нашего окна, через улицу был стадион «Динамо», чуть правее – клуб имени Ф. Э. Дзержинского, а ещё чуть дальше – летний цирк.

На территории стадиона, примыкавшей к клубу, стояла танцевальная веранда, называемая у нас «танцплощадка».

Весьма неплохой обзор и возможность наблюдать за течением жизни. Кстати, много интересного наблюдалось и у пивного ларька, стоявшего между клубом и цирком. Именно им беззастенчиво, одним бесспорным интересом объединялись культура и искусство.

Из окна в процессе наблюдений я открывал для себя неумолимое течение технического прогресса. Сначала под окном по бульжниковой мостовой горделиво шествовали верблюды и громыхали телеги. Позже появились автомобили медленно, но неуклонно вытеснявшие бедных животных, измученных непосильным трудом. Потом бульжник заасфальтировали... Интересно было наблюдать как это делали. Дымили варочные котлы, рабочие на носилках разносили горячий асфальт, укатывали ручными катками, перекрикивались «на плохом французском» ... Потом появились настоящие асфальтировочные катки... Работа кипела, дымила и шумела – так продвигалась цивилизация под одним, отдельно взятым окном.

Потом по асфальту поехали автомобили... «Победы» к клубу Дзержинского везли руководящий состав на очередное мероприятие, грузовики везли стройматериалы, то-

вары. Я по звуку научился определять марку машины – ГАЗ -51 или ЗИЛ – 150, даже постепенно пропадающие из обращения ленд-лизские «Студебекеры». О мотоциклах и говорить нечего – это была более реальная мальчишечья мечта, чем автомобиль. Легендарный ИЖ-49, М-1-М, а чуть позже крутейшие «Ява» и «Паннония»...

Летом на стадионе проводили разные соревнования, играли в футбол. Тогда ощущался праздник. Гремела оптимистичная, бодрая музыка, шли потоки празднично одетых людей. Со стадиона доносился голос диктора, комментирующего или управляющего действием.

Ну, а когда играли в футбол... Рёв трибун, даже на этом провинциальном маленьком стадионе был таким, какой сейчас сопровождает игры «Спартака» в «Лужниках» или на «Открытие арене»!

О, мой папа очень любил футбол! Он в этом случае был солидарен с А. И. Райкиным и комментировал это событие так: «Опять волдырь гоняют!». Приходилось спускаться с подоконника и закрывать окно.

Ну, а по вечерам под окном начиналась головная боль моих родителей. На танцплощадке сначала духовой, а позже – джаз оркестр местных виртуозов исполнял танцевальные мелодии на популярные темы... Нет, родители музыку любили..., но надо сказать, что раковина сцены, где сидели музыканты, была направлена на наш дом, на наше окно... И так все выходные и праздничные дни до 23—00....

Это стимулировало общение с соседями во дворе, по другую сторону нашего дома. Так развивались зачатки социальных сетей...

А мне было интересно наблюдать за поведением людей под окном. Там, в тени тополей и клёнов шла своя «пританц-площадочная» жизнь... Там целовались, решали вопросы, пили и дрались! Сверху, как из ложи, но лёжа на подоконнике на это можно было безопасно смотреть часами, наблюдая за драматургией событий.

А ещё под окнами пробегали эстафету на день физкультурника. Это тогда было интересным мероприятием и было много участников, и много искренних болельщиков. Проходили колонны демонстрантов на 1 мая и на 7 ноября. На демонстрацию шли собранные, летом весёлые, осенью находившиеся. Заходили в подворотни, там взбодрялись и шли дальше, туда к трибунам. А назад уже с чувством выполненного долга, весёлые и озабоченные. Торопились к праздничным столам, не забывая на прощание с коллегами допить, что принесено и сдать транспаранты и портреты членов политбюро.

Ну и неременный атрибут малого города – по ночам по булыжнику грохотали колёса повозок артели «золотарей» – ассенизаторов. Ну, куда ж от этой экзотики! Деревянные бочки, окрашенные известью, вёдра – черпаки, подвешенные на шестах... и незабываемый аромат... Мама вскакивала и срочно закрывала окна. Но они всегда проезжали

неожиданно...))))))

Ну, а зимой – каток. Об этом я пишу ниже. А ещё из окна было видно, когда на катке зажигаются огни и я служил гонцом всей нашей братии и сообщал радостную весть. Конечно, мы катались и днём, но вечером получали большой адреналин и огромное удовольствие.

Кстати, зимой часто бывали температуры ниже 25° , 30° , 35° по Цельсию и занятия в школе отменяли. В эти праздничные дни мы с утра бежали на каток и катались сколько было сил. И не болели!

Вот это окно в мир лет до 14 заменяло мне телевизор, который пришёл ему на смену гораздо позже... Конечно, были и книги, и кино, и «Пионерская правда», но это уже другая история.

5. КАТОК

*Вьется легкий вечерний снежок, Голубые
мерцают огни,*

И звенит под ногами каток,

Словно в давние школьные дни.

*«На катке.» Анатолий Новиков на стихи Льва
Ошанина*

...Конец пятидесятых прошлого века... Нам по 10 – 12 лет. С нетерпением ждём, когда на катке стадиона «Динамо» зажжётся свет и зазвучит музыка. Бежим туда, а это было через дорогу от нашего двора, пролезаем сквозь забор. Тогда было чётко понятно, что если между прутьями забора проходит голова, то сам уж точно пролезешь. Теперь не так...

Бывало, по пояс в снегу «бразды пушистые взрывая» продирались ко льду, одевали коньки, прятали в сугробе валенки... и – на лёд!

Тёмный зимний вечер, светлое пятно катка и музыка... песня... «Догони, догони...» Песня – то о любви, но нам ещё это было не ведомо, а скорость на льду, виражи, падение в сугроб – вот это было счастье! Ну и что б не скучно было – катались против движения, вызывая гнев добропорядочных культурно отдыхающих))), ускользали от дружинников – пешеходов или получали подзатыльник, если этого не удава-

лось...

А ещё было модно прикреплять под ботинком лампочку от карманного фонарика и от батарейки КБСЛ (плоская с контактами-полосками, если кто помнит), проведя провода под одеждой и замыкая контакты в варежке – пускали вспышки света. Очень похоже на искры из-под копыт))). Это здорово впечатляло окружающих и вызывало нездоровую реакцию у дружинников. Не знаю, почему это их так возбуждало – совершенно безопасно и на наш взгляд круто, но они ловили, мы убегали. Класс!

А в 11 вечера, когда гасили свет, уже в тишине, усталые и довольные шли домой шурша заледеневшими байковыми шароварами.

Вообще – то на катке звучало много песен, но эта песня запала в душу и всю жизнь ассоциировалась с детством, счастьем и радостью от стремительного движения по льду, от опасности, исходящей от дружинников, от собственной ловкости и бесстрашия...

6. ЗВУКИ МУЗЫКИ

Вот уж причудлива глубинная память человека! Сегодня я готовил к публикации статью о моём дяде, герое войны. Естественно, когда что-то вспоминаешь, то многое приходит на память, на первый взгляд не имеющее отношения к заявленной теме. И на меня нахлынули воспоминания о музыке, которую любил молодой ветеран войны.

Он не имел музыкального образования, но отлично играл на мандолине. Почему на мандолине? Понятия не имею, но играл итальянские мелодии, да так, что мурашки бегали по спине.

Очень любил слушать классическую музыку, к эстрадным песням относился снисходительно, но вполне одобрял и Георгия Виноградова, и Клавдию Шульженко, и Владимира Бунчикова, Владимира Нечаева...

Конечно, песни были иные, чем сейчас. И музыка, и стихи были чистыми и искренними, выражавшими радость жизни, грусть по ушедшим товарищам и веру в светлое будущее. Исполнители, пережившие ужасы войны знали о чём пели, были мастерами своего дела.

Ну, а классику он любил самозабвенно. Откуда это? Наверное, от того, что он был необычайно одарённым человеком, а это во всём и навсегда.

Сперва, как я помню, слушали классическую музыку

по радиоточке, были такие передачи. Тогда вся семья замирала и не смела шуметь, скорее из уважения. Так и я стал вслушиваться в звуки из репродуктора. Чуть позже дядя пристроил к трофейному радиоприёмнику проигрыватель пластинок. Тогда у нас дома стали появляться настоящие грампластинки. По моему счёту их накопилось более сотни. Даже мне подарили на день рождения грампластинку с интермедией «Полёт шмеля» из «Царя Салтана». Почему она считалась детской – загадка. Возможно потому, что была маленького диаметра и из сказки.

Так прослушивания стали регулярными. Я участвовал по мере наличия свободного времени. Мне очень нравились арии князя Игоря, Мефистофеля, Фигаро, Герцога из «Риголетто». С удовольствием слушал «Кармен», «Аиду», «Свадьбу Фигаро», «Травиату» и многие другие. Ничего не понимая, не зная либретто – просто нравилось.

В семейной традиции не было исполнения песен ни за столом, ни просто так.

Вероятно, поэтому, когда в школе, классе в пятом, нас принудительно тестировали на способность петь я и спел так, что меня в хор не взяли. Отчасти это было нежеланием как маменькины сыночки и девчонки заниматься не мальчишечьим делом. Был другой менталитет...

Позже я иногда жалел, что не умею петь и играть, скажем, на гитаре.

Хотя, три раза за жизнь я осознанно спел.

Первый раз, когда из пионерлагеря ехали домой в кузове ГАЗ-51. Было так хорошо и приятно возвращаться домой, что все пели, и я запел «Плывут, плывут, плывут по небу облака...». Это было для меня весьма необычно и девочки, там, в кузове это отметили.

Второй раз это было на военных сборах в институте. Пел со всеми строевую песню: «Путь далёк у нас с тобою, веселей солдат гляди...». Но это было только один раз и то, по принуждению..

А третий раз пел с застольным хором «По долинам и по взгорьям» и ни где-нибудь, а в лондонском ресторане, куда нас пригласила принимающая сторона Бритиш Петролеум. Пели вместе с казахами – членами делегации, тогда они не стеснялись петь советские песни вместе с русскими. А был это уже 1989 год...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.